

Ударение

Удыхейское слово обладает двояким ударением. На первом (корневом) слоге делается силовой акцент, это собственно ударение. Последний слог слова получает музыкальное повышение тона. Серединные слоги не претерпевают редукции, поэтому динамическое ударение первого слога не столь выделяется, как ударный слог в словах русского языка. Редукцию испытывают узкие гласные и в подавляющем числе случаев – в конце слова в личных окончаниях. Гораздо реже это происходит в середине слова и еще реже – в начальной позиции корневого гласного: *н'емугди* 'смешно' (от глагола *ин'е* - 'улыбаться' – ТМС I 319-320).

МОРФОЛОГИЯ

Удыхейский язык морфологически не отличается от остальных тунгусо-маньчжурских: для него характерен синтетический агглютинативно-постфиксальный способ образования новых слов и форм слов как ведущий и преобладающий способ, наряду с которым в достаточной мере используется способ аналитизма, а в морфологической технике наряду с агглютинацией заметна доля фюзии. Свойственный «чистому» агглютинативному типу единый характер аффиксального словообразования и словоизменения во многих удыхейских парадигмах оказывается нарушенными из-за присутствия морфонологически не актуальных вариантов морфем. Удельный вес этих «нарушений» демонстрирует наличие группы неправильных глаголов из числа наиболее употребительных гла-

гольных лексем; кроме того, в имени, а также в «правильных» глаголах сложилась определенная, не слишком значительная, разнотипность склонения и спряжения, увязываемая с фонетическим обликом основы слова. В небольшом числе основ сложились соотношения, характерные для внутренней флексии, однако и признать наличие внутренней флексии, по-видимому, нельзя, т.к. подобные чередования не являются живым, продуктивным морфологическим механизмом.

Перечисленные черты флективности удыхейского языка не делают его тип смешанным агглютинативно-флективным, оставляя, в общем-то, агглютинативным, не только ввиду преобладания случаев чисто агглютинативной техники при морфологических изменениях слов, но и из-за того также, что во всех случаях аффиксальные морфемы в принципе остаются однозначными, не соединяя в себе значения разных грамматических категорий.

Система общих и частных грамматических категорий удыхейского языка образует различной степени пересекающиеся классы и подклассы слов и словоформ. Наиболее общее подразделение слов по семантико-грамматическим свойствам на знаменательные и служебные слова не является для удыхейского языка абсолютным, так как многие слова в служебном использовании не перестают быть в то же время и полнозначными номинативными единицами. Знаменательные слова по общекатегориальным значениям делятся на классы, называемые частями речи — существительные, прилагательные, наречия и глаголы. Каждый из этих классов обладает своей специфической совокупностью частных грамматических категорий, через которые и реализуются их общеграмматические свойства. Это разбиение также не абсолютно, так как язык дважды преодолевает его: путем словообразования и путем образования вторичных, смешанных в категориальном отношении разрядов слов — так называемых функциональных форм. В первом случае образуются единицы узуального порядка, во втором — окказионального. Объединяет же оба механизма использование как морфологического, так и транспозиционного способов деривации, а также возможность слово- и формопроизводства ото всех частей во все части речи и разряды.

Имя существительное

Имя существительное обладает грамматическими категориями падежа, принадлежности и числа.

Падежная парадигма включает девять косвенных форм, при этом назначительный падеж реализуется только в притяжательных

формах, а звательный суживает сферу употребления, поскольку в функции обращения (адресата речи) часто используются просто номинативные формы именительного падежа. Количественно и по структуре эта система близка падежной системе южных языков — нанайского и ульчского, где восемь падежей (исключая звательный), и отличается от систем эвенкийского и эвенского языков, где 12-13 падежей.

Падежи	Падежные постфиксы
Именительный	- \emptyset
Винительный	-ва /-вэ /-во, -ма /-мэ /-мо
Дательный	ду
Местный	-ла /-лэ /-ло, -дула /-дулэ
Продольный	-ли, -дили
Направительный	-тиги
Исходный	-диги
Творительный	-зи
Назначительный	-на /-нэ /-но
Звательный	-йа /-йэ /-йо

Противопоставленность серий морфологических вариантов постфиксов и, тем самым, типов склонения наблюдается только в трех падежах — винительном, местном и продольном, где вторые серии — соответственно на -ма, -дула, -дили употребляются после основ на -н. Ниже даются семантические характеристики падежей и примеры в виде отдельных слов или фраз из фольклорных текстов.

Им. пад. — по форме равен основе, т.е. не имеет особого морфологического показателя (так наз. нулевой показатель — \emptyset), служит для выражения подлежащего, неопределенного прямого объекта; в форме основы, совпадающей с им. пад., существительные входят в номинативные сочетания с глаголами, типа *сэ ба²* 'получить рану' и т.п.

Вин. пад. — передает прямой объект действия: *унта-ва* 'унты (заказал)', *кэуава* 'изюбря (убил)', *нивэ-дэ* 'кого-либо (увидю)', *тёво* 'огонь (развел)', *омосо²мо-до* 'ни одного (не нашел)'.
 Дат. пад. — передает субъектную адресатность действия и место, предназначенное для действия, а также реального исполнителя действия при каузативном глаголе: *зугди-ду* 'в доме (остаться)'; *буиду бими* 'я за зверем (замужем) живу'; *минэвэ оду аласийа* 'меня здесь юдожди'; *мафа мэвани аһантаду ззү ззэвэ* 'вы не будете давать позволять, разрешать) женщинам есть сердце медведя'.

Местн. пад. – передает местонахождение, место прибытия и место производства действия: *эни бэ³сала экизэфи* 'на этой речке давай сделаем с тобой остановку'; *буа хэзилэни нā уидэни* 'под небом, на земле'; *минтилэ эмэни* 'он пришел к нам с тобой'; *хоктон³дулэ уэнээн³е* 'по их следу пошла'; *имэхи имāла хулисийти* 'расхаживает по свежему снегу'.

Направит. пад. – передает точку, к которой направлено движение, а также адресат речи: *соло³итиги* 'в верховье (идти)', *зугдитиги* 'в дом (вернуться)', *ху³азитиги* 'сестре (говорить)', *буатиги гэлэлиати* 'стали они просить у бога'.

Исходн. пад. – передает начальный пункт, точку движения, объект сравнения: *зугдидиги* 'из дома', *гободиги уица³* 'меньше мухи'.

Творит. пад. – передает инструмент или материал, с помощью которого осуществляется действие, а также лицо, с которым взаимодействует главный исполнитель действия: *мэхэзи тōво сиктисиа-ни* 'кресалом огонь высекал'; *тадази* 'стрелой (убить, ранить)', *мэнази зактази тигдэй* 'в виде муки, пшена идет дождь'; *сиктэзи диганалеани* 'с ребенком она стала разговаривать'.

Назначит. пад. – передает предназначенность лица или предмета лицу, обозначенному в показателе личной или возвратной притяжательности в этой же основе, при этом данное слово является прямым объектом действия того лица, которое обозначено в переходном глаголе: *би си мамаса³нани гэнэзэми* 'я жену тебе (букв. в качестве жены твоей) приведу'; *бāтануни гэлэйни бэйэнэми, заутанами* 'его сын просит (сделать) для себя лук и стрелы'.

Зват. пад. – передает непосредственный адресат речи, участника диалога: *абугай* 'отец!', *эн³ē* 'мать!' (< энийэ), *ситэй* 'дитя!', *н³ийэ* 'человек!', *сула³йе* 'лиса!' (обращение к персонажу сказки).

Категория притяжательности, выражающая в морфологических формах имени принадлежность предмета лицу, либо иную сопря-

	личные	возвратные
1 л.	-и / -й; -ми (для основ на -н)	-и / -й -ми (для основ на -н)
2 л.	-ни	(для всех лиц ед. ч.)
3 л.	-ни	
1 л., включительная форма	-фи	
1 л., исключительная форма	-у; -му (для основ на -н)	-фэй (для всех лиц мн. ч.)
2 л.	-ну	
3 л.	-ти	

женность двух предметов, передаваемую условно через принадлежность одного из них другому, образует парадигму лично-притяжательных форм в соответствии с семантической структурой личных местоимений. Кроме того, существует альтернативная двучленная парадигма безлично-возвратной притяжательности, которая различает формы ед. и мн. числа, но объединяет все лица в одно понятие 'свой' и 'свои'. Показатели личной и возвратной притяжательности используются в именных формах глагола, показатели личной притяжательности выступают в качестве личных окончаний финитных форм глагола (с некоторыми вариациями по формам времени).

Категория притяжательности помимо личных и возвратных образует формы отчуждаемой (неорганической, косвенной) принадлежности на *-ни*, которые выступают только в составе лично-притяжательных форм нескольких лексико-семантических групп существительных, обозначающих лиц, животных, рыб, птиц, продукты питания, предметы неживой природы, части тела, например: *си би сугзауивэй зомисэни* 'ты крал мою рыбу'; *би имбһуивэй ту дигааһи* 'ты съел все мое сало'; *ата бу азигауийи* 'он не отдаст свою дочь'. Показатель *-ни* подчеркивает, что «рыба», «сало», «девушка» не составляют органической части владельца, он лишь их собственник. Особенно наглядно значение отчужденности проявляется в примерах с частями тела: *би дилий* 'моя (моего тела) голова' — *би дилиуий* 'моя голова' (не принадлежащая мне органически — моему телу, не «отчужденная» у другого организма, например, «голова сваренной рыбы и поданная к столу»).

Категория числа не является обязательной грамматической категорией для удыхейского языка. Множественность лиц (неодушевленные предметы вообще не принимают этих показателей) может быть совершенно не выражена ни в имени, ни в предцизируемом глаголе. С другой стороны, в сопровождении количественных числительных имя остается без показателя числа. Появление форм числа во фразе зависит всецело от коммуникативной установки. Имеющиеся в удыхейском языке показатели передают значение собирательности, причем форма на *-зига / -зигэ / -зиго* указывает на определенное множество конкретных лиц, участвующих в данном действии, тогда как форма на *-гэту* обозначает неограниченно большие совокупности лиц: *азигазига* 'девушки', *эмэндэзига* 'непутевые' (фольк.), *сонкозига* 'воинственные люди' (фольк.), *тукцазига* 'зайцы' (как персонажи сказки), *багдигэту* 'люди' (букв. '(все) живущие'), *н'аулазига* 'группа ребят', *н'аулагэту* 'молодежь, подростки' (*н'аула* 'подросток').

Имя прилагательное

Качественные прилагательные в большинстве своем представлены неприпроизводными, с точки зрения современного языка словами признаковой семантики: *уица* 'маленький', *агби* 'широкий', *ваними* 'длинный', *кэнку* 'пустой', *кика* 'опрятный, чистый (о человеке)', *тими* 'густой (о растительности и волосах на покрове)', *бого* 'жирный'. Значительная группа качественных прилагательных совмещает в себе значения прилагательного и наречия, причем какое из этих значений первично, определить невозможно: *гэһэ* 'плохой, плохо', *суута* 'глубокий, глубоко', *сауму* 'быстрый, быстро', *сэбзэукэ* 'интересный, интересно' *пази* 'отдельный, отдельно', *бэйэку* 'похожий, похоже'. Часть подобных прилагательных-наречий производна, причем аффикс *-һи* (< **-си*), вероятнее всего, наречного происхождения: *гилиһи* 'холодный-холодно', *бугдуһи* 'скользкий, скользко', *угэһи* 'тяжелый-тяжело', *хактиһи* 'темный, темно'. В ряде качественных прилагательных вычленяются аффиксы на *-һи* (единичные образования) (*анаһи* 'давнишний' — *анана* 'давно'), *-га* **балига* 'плохо видящий' — *бали* 'слепой'); около десятка прилагательных, преимущественно с семантикой цветообозначения, содержат *-лиги*: *м'ологи* 'зеленый', *холиги* (|| *холо*) 'желтый', *монтолиги* 'круглый' (*монто* 'круг'), *на'алиги* 'сырой'.

Относительные прилагательные представлены двумя группами отыменных производных: 1) с афф. *-һи*, передающим признак, возникающий в результате обладания чем-л. — *амтаһи* 'вкусный', (*амта* 'вкус, вкусовое ощущение'), *мэйэһи* 'умный' (*мэйэ* 'ум'), *мәусаһи* 'вооруженный' (*мәуса* 'ружье'); 2) с афф. *-ма* / *-мэ* / *-мо*, образующим признаки по веществу, материалу, из которого сделан предмет — *аисима* 'золотой' (*аиси* 'золото'), *сэулэмэ* 'шелковый' (*сэулэ* 'шелк'), *о́ктомо* 'травяной, из травы' (*о́кто* 'трава').

Прилагательные в удыхейском языке не обладают собственными словоизменительными средствами, за исключением отмеченных Е. Р. Шнейдером редких форм на *-һу*, со значением отнесенности признака ко множеству предметов: *дежмиңку имоһово газеһэһи* 'толстого сала (несколько кусков; причем 'сало' — в форме ед. числа) принесла-она'. В синтаксических словосочетаниях с существительным прилагательное словоизменительных показателей, как правило, не принимает (см. ниже, Синтаксис). Однако в контексте повествования при эллипсисе существительного, когда определяющее его прилагательное узуально субстантивируется, оно берет на себя показатели падежа, принадлежности и числа, в которых должно бы стоять определяемое имя.

Единственная морфологическая категория со значением усиленности признака имеет собственный дериват *-дима*, близкий семантике компаратива: *сагдидима* 'большой, побольше', *уица'дима* 'маленький, поменьше', *а'чидима* 'старший, постарше'. Вообще же значения компаратива и превосходной степени выражаются синтаксически, без морфологического изменения прилагательного: *зугдидиги сагди* 'больше дома' (букв. 'от дома' (исходн. пад.) – 'большой'); *цо сагди* 'самый большой', *цо уица* 'самый маленький', *цо ваними* 'самый длинный', *цо имэхи* 'самый свежий'.

Местоимения

Личные местоимения, представляющие в грамматическом отношении существительные, их особую лексико-семантическую группу, отличаются, как и в других северных тунгусо-маньчжурских языках, а также в маньчжурском, наличием двух форм с разной семантикой для 1-го лица мн. числа: включительная форма, или инклюзив, *минти* 'мы с тобой, мы с вами', исключительная форма, или эксклюзив — *бу* 'мы без тебя, мы без вас'.

При склонении удыгейские личные местоимения, кроме местоимений *минти* 'мы с тобой', *нуати* 'они', в косвенных выявляют вторую основу на *-н*, которая и склоняется как именная основа на *-н* в локативных падежах, в винительном падеже так ведет себя только форма *нуа* 'он / она', остальные же формы в этом падеже, как и формы *минти*, *нуати*, во всех падежах склоняются по основному типу. Существенной особенностью является и то, что *нуа* в косвенных падежах склоняется как притяжательная форма, принимая показатель *-ни*. Личные местоимения не образуют форм назнательного и звательного падежей.

Склонение личных местоимений

Единственное число

Им.	<i>би</i> 'я'	<i>си</i> 'ты'	<i>нуа</i> 'он / она'
Вин.	<i>минэвэ</i>	<i>синэвэ</i>	<i>нуамани</i>
Дат.	<i>минду</i>	<i>синду</i>	<i>нуамандини</i>
Местн.	<i>миндулэ</i>	<i>синдулэ</i>	<i>нуандилани</i>
Продольн.	<i>миндули</i>	<i>синдули</i>	<i>нуандилини</i>
Направит.	<i>минтиги</i>	<i>синтиги</i>	<i>нуантигини</i>
Исходн.	<i>миндиги</i>	<i>синдиги</i>	<i>нуандигини</i>
Гворит.	<i>минзи</i>	<i>синзи</i>	<i>нуанзини</i>

Множественное число

Им.	<i>минти</i> 'мы (с бу 'мы (без тобой/вами' тебя/вас'	<i>су</i> 'вы'	<i>нуати</i> 'они'	
Вин.	<i>минтивэ</i>	<i>мунэвэ</i>	<i>сунэвэ</i>	<i>нуативэ</i>
Дат.	<i>минтиду</i>	<i>мунду</i>	<i>сунду</i>	<i>нуатиду</i>
Местн.	<i>минтилэ</i>	<i>мундулэ</i>	<i>сундулэ</i>	<i>нуатила</i>
Продольн.	<i>минтили</i>	<i>мундули</i>	<i>сундули</i>	<i>нуатили</i>
Направит.	<i>минтитиги</i>	<i>мунтуги</i>	<i>сунтуги</i>	<i>нуатиьтги</i>
Исходн.	<i>минтидиги</i>	<i>мундуги</i>	<i>сундуги</i>	<i>нуатидиги</i>
Творит.	<i>минтизи</i>	<i>мунзи</i>	<i>сунзи</i>	<i>нуатизи</i>

Числительное

Названия чисел, образующие особую лексико-семантическую группу имен, в пределах наименований первого десятка сохраняют общетунгусоманьчжурский корнеслов. Числительные второго, третьего и т.д. десятков являются составными «десять – один» > 'одиннадцать', «десять – два» > 'двенадцать', «тридцать – пять» > 'тридцать пять' и т.д. Названия десятков, кроме «двадцати», являющегося монгольским заимствованием, представляют морфологические композиты типа «три десять», «четыре десять» и т.д. Самостоятельны названия «сто» и «тысяча», последнее также заимствовано из монгольских языков, как и широко разошедшийся по многим языкам монголизм *тумэн* 'десять тысяч'.

омо 'один', *зу* 'два', *ила* 'три', *дйи* 'четыре', *туна* 'пять', *н'ууу* 'шесть', *нада* 'семь', *закпу* 'восемь', *йэйи* 'девять', *жā* 'десять'.

жāомо 'одиннадцать', *жāзу* 'двенадцать', *жāила* 'тринадцать', *жāдйи* 'четырнадцать', *жāтуна* 'пятнадцать', *жāнууу* 'шестнадцать', *жāнада* 'семнадцать', *жāзакпу* 'восемнадцать', *жāйэйи* 'девятнадцать'.

ваи 'двадцать', *илижā* 'тридцать', *дйизэ* 'сорок', *тунажā* 'пятьдесят', *н'ууузэ* 'шестьдесят', *надажа* 'семьдесят', *закпуза* 'восемьдесят', *йэйизэ* 'девяносто', *тангу* 'сто'.

миуга 'тысяча', *тумэ* '(неопределенно по количеству) десять тысяч, несколько тысяч, несколько десятков тысяч'.

Глагол

Глагол обладает категориями переходности–непереходности, способа действия, залога, наклонения, времени, лица, статуса (противопоставленность положительных и отрицательных форм), вто-

ричной репрезентации (имена действия, причастия, деепричастия). Каждая из данного набора категорий характеризуется разной степенью грамматизованности (абстрактности, несвязанности с лексическим значением основы), морфологической регулярности и синтаксической употребительности. В совокупности все указанные категории составляют довольно разветвленную макропарадигму удыхейского глагола.

Лексико-грамматическая категория переходности–непереходности не имеет собственных морфологических средств и, базируясь на имманентной семантике глагольных лексем, реализуется в синтаксическом свойстве управлять винительным, либо другим косвенным падежом объекта, — переходные глаголы; непереходные глаголы не имеют объекта.

Категория «способ глагольного действия» также принадлежит к сфере лексико-грамматической, поскольку выявляется в лексической семантике глагольных основ в виде значений, меняющих или дополнительно характеризующих протекание действия во времени и пространстве, а также модальные отношения. В удыхейском языке свыше десятка (различной степени продуктивности) форм, выражающих способы действия; некоторые формы явно утратили продуктивность и сохранились в единичных образованиях: *тэусэ* 'класть надолго, укладывать (в дорогу) и т.п.' (*тэу*- 'класть'); *дэумни*- 'отдыхать' (*дэу*- 'уствовать') и др.

Форма начинательности на *-ли* довольно продуктивна, передает значение начала действия его субъектом: *олоктолеан'и* '(она) начала готовить (еду)'; *си айа гакпаһи, тугэ һонилизаһи* 'ты (уже) хорошо стреляешь, скоро будешь уметь (букв. начнешь уметь)'

Форма "целедвижения" на *-на / -нэ / -но* также довольно продуктивна, передает значение отправления субъекта для совершения действия; от ряда глаголов данная форма образуется морфологически не мотивированными непродуктивными алломорфами *-уна / -унэ / -уно*: *галактанами* 'я отправляюсь искать', *тэһэйэ* 'иди (проходи) садись'; *минэвэ буала нэунэйэ* 'меня отнеси и положи на улицу' (*нэ*- 'класть').

Форма намерения на *-кца / -кцэ / -кцо* передает желание, намерение субъекта совершить действие: *омоти хаунтасийни, сәкқайни* 'все равно спрашивает, хочет узнать' (*сә*- 'знать'), *йэхэкэйни* 'намерен петь песню'. В некоторых случаях происходит семантическое взаимодействие с лексическим значением основы, приводящее к сдвигу значения: *луакца*- 'чуть не подавился' *луа*- 'подавиться (*лицей, костью*)'.

Форма не *-муһи* выражает органическую, не зависящую от воли субъекта, потребность исполнить действие, передаваемое основой:

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Основной способ словообразования — суффиксальный. Суффиксов отглагольного имеобразования около двух десятков. Большая часть из них не только непродуктивна, но частично или полностью омертвела, в производных нарушилась или потерялась соотносительность с производящей основой (в фонетическом и/или семантическом плане, иногда из-за утраты этой основы):

-*кта* / -*ктэ* / -*кто* — значение собирательности в названиях мелких живых существ, мелких растений, ягод, плодов, веществ из мелких частиц: *замукта* 'шиповник', *иктэ* 'муравей', *уктэ* 'гнида', *уакта* 'мех, шкура с мехом', *ицумукта* 'слезы', *оџокто* 'песок';

-*кци* — значение предмета или объекта действия, *н'ицмэкци* 'глота', *ацмакци* 'мундштук';

-*пти* / -*кти* — образует названия предметов, охватывающих, надзаемых на другой предмет: *эгбэпти* / -*эгбэкти* 'крыша', *санананпти* 'аплата', *уцапти* 'наперсток';

-*нку* — значение орудия, места или субъекта действия: *аккинку* 'место для иголок', *кигаңку* 'бритва', *циуэсиңку* 'качели', *џоқциңку* 'оропливый, торопыга', *уэлэңку* 'пугливый';

-*у* — значение орудия или объекта действия: *каңау* 'пяла для кур', *зэу* 'еда', *силоу* 'вертел';

-*хи* / -*и* / -*ги* / -*и* (< *-*ки*) — значение субъекта или предмета действия: *лалиги* 'тощий, голодающий', *сибиги* 'кузнечик', *кугэхи* / *кугэ'и* 'сукша'); -*һа* / -*һэ* / -*һо* / -*һэ* / -*һө* (-*һ* < *-*с*-) — значение совокупности: *лэһэ* 'мясо', *олоһо* 'мясо рыбы').

Гораздо меньше производных осталось с непродуктивными суффиксами: -*мни* / -*мди* (*бэлэмни* ~ *бэлэмди* 'помощник'), -*ми* / -*му* (*соли* — название кушанья, букв. 'мешанина', *дэуми* ~ *дэуму* 'переправа, мосток'), -*ла* (*гадила* 'форель', *хэкэлэ* 'перевязь кос (украшение)'), -*ма* (*какцима* 'лепешка', а также с суфф. -*мса*, -*нга*—*на*, -*нати*, *итилэ*, -*са*, -*н*, -*үкэ* / -*үкэ* (< *-*укийэ* / -*укирэ*).

Небольшое число суффиксов образуют имена от имен:

-*ңка* — с семантикой названия жителей по месту, в том числе большинство удыхейских родовых фамилий: *намуңка* 'поморские', *иаму* 'море'), *хуңка* 'хорские, жители р. Хор' (*Ху* — р.Хор));

-*чи* ~ *ңачи* — с семантикой собирательности, обычно в ландшафтных терминах: *амигдачи* 'заросли тополя', *аңиңачи* 'ельник', *кадаңачи* 'каменистое место');

-*зига* — значение уменьшительности, непродуктивный суффикс, синонимичен продуктивному суфф. мн. числа: *низигэ* 'человечек', *иң'зигэ* 'пятнистый олень' (< 'оленок', поскольку пятнистый олень мельче северного);

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 97-04-16273

И. В. Кормушин

УДЫХЕЙСКИЙ (УДЭГЕЙСКИЙ) ЯЗЫК

Рецензенты:

доктор филологических наук А. В. Дыбо,
М. В. Тольская

Кормушин И. В.
К 66 Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии.
Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь.
М.: Наука, 1998. 320 с.

ISBN 5-02-011292-5

В книге публикуется часть фольклорных текстов с переводами из большого собрания автора, пространный очерк фонетики, исследующий сложные и спорные вопросы звукового строя удыхейского языка, словарь, включающий большое количество слов, фиксируемых впервые и не вошедших в материалы автора, изданные в "Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков" (Л., 1975-1977. Т. I-II). Помимо этого дан краткий очерк морфологии, а вводная часть содержит заметки по материальной и духовной культуре удыхейцев недавнего прошлого.

Книга написана на основе полевых материалов автора и предназначена как для широкого круга читателей, интересующихся происхождением и бытованием удыхейцев, их фольклором, языком, так и для специалистов — прежде всего, этнографов и лингвистов тунгусо-маньчжуроведов, а также представителей смежных циклов — тюркологов, монголистов, корейстов, японистов, палеоазиатоведов и др.

Kormushin I. V.

К 66 Udyhe (Udeghe) Language. Materials on the Ethnic Culture. Phonetics and Grammar. Texts and Translations. Glossary. M.: Nauka, 1998.

The book is based on expeditional materials, gathered in 1964-1974 by the author in the regions of living Udeghe people at Far East. It includes ethnographical data, folklore texts and its translations into Russian, sketches of phonetics and grammar, glossary.

For specialists in Manchu-Tonguse and Altaic languages.

ТП-98-1-158
ISBN 5-02-011292-5

© Кормушин И. В., 1998
© Рябышев Б. М., художественное
оформление, 1998
© Российская академия наук, 1998

